Колдовские Миры

Киры Измайловой

Кира Измайлова

Случай из практики

КАРАВАННАЯ ТРОПА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И37

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Измайлова, Кира Алиевна.
И37 Случай из практики. Караванная тропа / Кира Измайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-101425-4

Как известно, история имеет свойство повторяться — в других обстоятельствах и с другими действующими лицами. Вот и тут снова встретились колдунья из рода судебных магов и дракон, и снова их ждут расследования преступлений, совершенных с помощью магии. Только это уже не Флоссия Нарен, а ее дочь Фергия, и не дракон Гарреш, а его племянник Вейриш, и дело происходит не в Арастене, а в знойном Адмаре, где сам климат не благоприятствует спешке и решительным действиям. Но тень губительного для драконов проклятия уже легла на раскаленные пески, а значит, придется Вейришу стряхнуть с себя негу и лень, чтобы попытаться отвести беду от своего племени, а Фергии придется побороться за место под жарким солнцем, чтобы доказать, что женщины умеют колдовать и логически мыслить не хуже мужчин.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101425-4

© Измайлова К.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Утреннее солнце светило ярко — не спасали даже ставни. На покрывале, на стенах, на потолке весело плясали золотые пятна. День обещал быть жарким.

Я хотел отодвинуть сладко спавшую Лайшу и встать, чтобы освежиться, как вдруг распахнутая дверь с треском ударилась о стену, а в покои ворвался настоящий ураган.

Ураган этот с разбегу запрыгнул на ложе, пихнул Лайшу в бок и приказал:

— Лайша! Кыш!

— Уже ухожу, шодэ...[1] — зевнула та, потянулась, подобрала с пола покрывало и вышла, по-моему, даже не открывая глаз.

— С добрым утром, — сказал я, когда Аю, свалившись на меня всей тяжестью (хотя что там той тяжести!), потерлась носом о мой нос. — Хорошо, что я уже проснулся, а то ведь так и заикой оставить недолго!

Я много раз просил так не делать, но кто слушал меня в этом доме? Разве что новые наложницы, да и те ровно до тех пор, покуда их не посвящали в негласные правила.

— Аю соскучилась, — серьезно ответила она и вытянулась у меня под боком. — Эйша долго не было.

---

[1] Обращение к замужней женщине (*прим. авт.*)

Меня зовут Вейриш, но Аю, когда еще не могла толком говорить, произносила мое имя вот так, и я привык. Мне даже нравилось это — до такого сокращения не додумался никто из моих многочисленных родственников.

— Дела, — ответил я.

— Аю помнит, — кивнула она. — Дурные дела.

— Невеселые, — согласился я и припомнил семейную встречу, на которой меня, мягко говоря, озадачили.

И кто! Дядя Гарреш, от которого я не ждал подвоха... И который, я был уверен, давно убедился в полнейшей моей несостоятельности в том, что касалось хоть сколько-нибудь серьезных дел. Не так давно он выручил меня из неприятностей, в которые я угодил по собственной неосторожности (и, скажем прямо, глупости), а потому мной владела счастливая уверенность, что дядя считает меня бескрылым юнцом. Но нет, чем-то ему приглянулся именно я...

— Эйш, не спи! — потормошила меня Аю, и я очнулся.

— Я не сплю, просто задумался.

— Все те же дела? — произнесла она со странной интонацией, и мне показалось, будто в глубине ее темных глаз затрепетал огонек, словно свеча вспыхивала и гасла на ветру.

Аю — урожденная степнячка, а еще она ашшу. Не колдунья, нет, она ничего не может сделать, но зато способна предсказывать грядущее. У нас тоже бывают предвидения, но они всегда неопределенны, и истолковать их правильно очень сложно. Так, если бы дядя Гарреш вовремя понял, что сулит ему предчувствие, он, возможно, успел бы спасти если не Араша, своего младшего сына, так хоть невестку и будущего внука! Но увы, он не смог...

Аю видит грядущее — каким оно станет, если смотреть именно с этой точки, из этого единственного момента. Оно все равно не предопределено, его можно изменить, но Аю способна сказать, что случится, если ты ничего не станешь менять. Слишком далеко она заглянуть не в состоянии, но и о ближайшем будущем позаботиться стоит.

Аю увезли из родных краев совсем ребенком. Ашшу там на вес золота, и убить ее степняки побоятся, чтобы не навлечь несчастья на свой род, но вот лишить другое семейство такой ценности и забрать себе могут. Ведь предсказательница может предупредить об опасности, подсказать, куда лучше перегонять стада в этом году... Да мало ли! Просто украсть ее — уже означает лишить другой род преимущества. И даже если она не пожелает предсказывать для нового семейства, ее принудят рожать детей: кто-нибудь из потомков тоже может оказаться ашшу.

А иногда складывается так, что украсть-то ашшу можно, а вот оставить ее у себя — слишком опасно. Если обворованный род намного сильнее, он может отомстить и забрать свою собственность назад, вырезав обидчиков под корень. Тогда такие дела поручают людям со стороны, чтобы никто не смог связать похищение с кем-то определенным... А подозрения без доказательств у степняков мало чего стоят.

Впервые я встретил Аю худенькой девочкой-подростком, которая не могла толком говорить: тот, кто выкрал ее из родного становища и продал в рабство, лишил ее языка. Больше она не могла ни произнести пророчество, ни даже сказать, откуда она, из какого рода... Ее родные непременно выкупили бы ее, даже если ради этого пришлось продать в рабство нескольких здоровых мужчин! Те, уверен, с радостью

приняли бы такой выбор старейшин, надеясь, что вскоре мудрость ашшу вернет их домой...

Изувечили Аю именно работорговцы — сами степняки навредить ашшу не решатся. Вдобавок они режут языки под корень, Аю же сохранила способность кое-как лепетать, и понять ее при желании было возможно. Другое дело, что она почти не знала общего наречия, но это уж дело наживное.

Хорошо владеть магией, частенько думал я, глядя, как разглаживаются шрамы на ее лице, а язык понемногу делается прежним. С выбитыми зубами было сложнее, но и с этим я справился.

С тех пор как я взял Аю в жены, она заметно изменилась. Я не говорю — похорошела, поскольку по местным меркам она вовсе не красива, но мы, драконы, смотрим не только и не столько на внешнюю оболочку, сколько на тот огонь, что горит в человеке...

У Аю оказались густые и жесткие, как гривы обожаемых ею лошадей, черные волосы; отросшие, они падали на плечи непокорной копной. Это только до замужества степнячки коротко стригут волосы, оставляя несколько прядей, а потом отращивают косы. У других народов, я знаю, делают наоборот.

Вот эта самая грива теперь щекотала мне шею, и я повернулся, чтобы нос к носу столкнуться с Аю.

— Дурные дела? — в очередной раз повторила она.

Супруга моя уже очень хорошо понимала и общее наречие, и местные языки, но говорила мало. Скорее всего, просто не желала. Так-то я часто заставал ее с другими женщинами — те знай трещали каждая на свой лад, Аю внимательно слушала и вроде бы советовала... Во всяком случае, та же Лайша говорила — «шодэ велела сделать то или это», а как Аю могла это сделать, если не словами? Жестом можно послать за водой или угощением, не более того.

А еще я не мог отучить ее говорить о себе в третьем лице — так принято у нее на родине, и она не собиралась отказываться от этой привычки. Упрямством Аю можно было крушить стены, и понял я это далеко не на первом году семейной жизни, а намного раньше.

— Они самые, — ответил я. — Что видишь?

— Плохо, — подумав, ответила она.

Это тоже было проблемой: видеть грядущее Аю видела, но объяснить, что именно должно произойти, могла не всегда. В тот памятный раз я просто чудом понял ее лепет, иначе... Иначе не простил бы себе. А она не простила бы меня за то, что не пришел на выручку ее хозяйке, и не отправилась со мной сюда, на юг...

И если она имеет в виду поручение дяди, то лучше послушать ее. Его история... то ли он прав, то ли нет, концов уже не найдешь, как говаривала бывшая хозяйка Аю, и соваться в это мне совсем не хотелось. Только крылья зря истреплешь.

— Мне стоит ввязываться или лучше подождать и посмотреть, что будет дальше? — уточнил я на всякий случай. В случае с ашшу следует формулировать вопрос как можно более точно.

— Подождать, — после паузы ответила она. — Пока... неясно. Рябь на воде. Туман. Не надо Эйшу лезть, вдруг буря? Надо думать. Искать.

— Что искать? — безнадежно спросил я.

— Аю не знает, — покачала она головой. — Просто — искать, что ищется. И найдется. Или нет. Как Эйш будет искать, так и выйдет.

— Ладно... — Я сел. — Ты уже завтракала?

— Аю просыпается рано, — с достоинством ответила она. — Эйш хочет есть? Аю прикажет подать!

— Пока не нужно, — прислушавшись к себе, ответил я. — Я сперва пролечусь до побережья и... Ты что?

Аю схватила меня за руку с недетской силой (а я не мог считать ее взрослой, ей вряд ли сравнялось четырнадцать!) и замотала головой.

— Эйшу нельзя лететь, — твердо сказала она. — Нельзя. Опасно.

— Почему?

— Аю не видит. Эйшу нельзя в небо и нельзя в море. Там смерть.

У меня по спине побежали ледяные мурашки.

— Как она выглядит? — спросил я, зная, что иногда даже самые странные вопросы находят ответы.

Аю молча развела руками — только браслеты зазвенели.

— Аю не видит, — повторила она. — Она повсюду. В небе, в воде. Скоро уйдет.

— А на земле?

— На земле ее нет, — прислушавшись к чему-то внутри себя, ответила Аю. — И под землей нет.

Я потряс головой. Ничего не понимаю!

— Приказать нести завтрак, Эйш? — напомнила Аю.

— Да, прикажи. Но сперва я хочу искупаться...

Аю кивнула и убежала, перед тем снова ласково потеревшись носом о мой нос — этот жест высшего доверия у них в степи заменяет поцелуи.

Помню, когда я привел ее в свой дом, Аю сильно дичилась и старалась держаться поближе ко мне. А осознав, что она здесь не рабыня, не прислуга, не наложница (коих у меня порядочно), а жена, причем не младшая и даже не старшая, а просто — единственная, живо навела порядок. Смешно было наблюдать, как могучая Фиридиз, кухарка, оправдывается перед такой соплячкой и безропотно драит котлы и сковороды, показавшиеся Аю чересчур засаленными. Фиридиз ленива, это правда, но готовит настолько волшеб-

но, что я готов простить ей невесть чем заляпанный передник, стоптанные туфли и засаленную головную повязку-тарбан! Я, но не Аю. И месяца не прошло, как кухня засверкала чистотой, а Фиридиз торжественно сожгла во дворе старый тарбан и щеголяла теперь в темно-красном, подаренном от щедрот Аю... Еще бы передник сменила, вовсе бы хорошо вышло!

Купальня еще не была готова, и за нерасторопность слуг ожидал справедливый разнос от Аю. Я бы махнул рукой на такую мелочь и полетел купаться на побережье, но она сказала, что в воздух сегодня лучше не подниматься, и я предпочел внять этому предупреждению. Что же там такое? Почему кого-то гибель настигает над землей, а Аю видит смерть в море? Одни вопросы без ответов!

«Я разберусь в этом, — сказал я самому себе. — Я обещал дяде... Дракон я или нет?»

Мысли мои потекли лениво и плавно, и я чуть было снова не уснул, благо что никто больше ко мне не приставал... Впрочем, это продлилось недолго.

— Шодан...[1] Шодан! — потормошила меня Алиша, не так давно взятая в дом за красоту и добрый нрав.

Впрочем, меня не спрашивали: Аю указала на эту девушку, я ее и купил.

— Что еще? — спросил я и проснулся окончательно...

...И понял, что видел сон во сне: никакой Алиши и в помине не было, когда Аю будила меня, прыгая с разбегу на кровать, а супруг Лайши недавно, нижайше кланяясь, пригласил меня на праздник наречения имени очередному внуку. Тридцать лет прошло с тех пор, Алиша тогда и не родилась, Аю была подростком, а теперь — взрослая женщина.

---

[1] Обращение к мужчине (*прим. авт.*).

«Не к добру такие сны», — подумал я и с силой потер лицо руками. Не помешал бы кувшин холодной воды на голову, да только она наверняка успела нагреться — солнце стояло уже высоко.

Почему мне приснился тот разговор с Аю? Непременно нужно спросить ее, что она сегодня видит в воздухе и на море...

— Так что случилось? — повторил я вопрос.

— Там пришли, — был ответ.

— Скажи, чтобы ушли.

Кого еще принесло? Я никого не приглашал... Впрочем, Алиша тут же вскричала:

— Да как же можно? Это ведь сам Оталь-шодан с сыновьями, он тебя о чем-то просить хочет! Сказал, что не уйдет, пока ты его не выслушаешь! Я вот тебя бужу, шодан, а они во дворе на коленях стоят, на самом солнцепеке!

— Что ж ты сразу-то не сказала? — Я вскочил, потому что, похоже, дело было нешуточным. — Подай умыться!

Чтобы далеко не последний торговец в наших краях, владелец нескольких кораблей и двух десятков караванов, глава большого семейства пришел ко мне, сопляку по человеческим меркам, да еще вот так... Должно было случиться что-то неописуемое!

— Я говорила, но ты не слушал. — Алиша вылила мне на голову кувшин холодной воды.

— А что Аю сказала?

— Чтобы ты сам разбирался, шодан, потому как это не женское дело, — развела руками Алиша.

О способностях моей жены здесь знали. Фиридиз, конечно же, не могла удержать язык за зубами, и вскоре все соседи были оповещены о том, что Аю-шодэ — прорицательница, да такая, что другие недостойны даже пыль из-под ее туфель целовать!

Должно быть, это случилось после того, как Аю прямо сказала кухарке — не ешь сливы, которыми тебя угостил торговец. Но те были так хороши на вид, так славно пахли, так заманчиво блестели лиловыми боками, будто сами просились в рот... Фиридиз не устояла и очень скоро пожалела об этом. Я и сам мог сказать ей, что нельзя есть фрукты, целый день пролежавшие в корзине под палящим солнцем, как бы соблазнительно они ни выглядели, потому что именно в такие спелые и сочные плоды муха-сосальщица откладывает яйца, из которых уже через несколько часов выводятся личинки, такие маленькие, что их нельзя различить невооруженным глазом. Если животное съест такой плод, личинки поселятся у него внутри, а поскольку не смогут вовремя окуклиться и превратиться в мух, выедят носителя изнутри. Человеку они сильно навредить не могут, он слишком велик, однако приятного в этом мало. Впрочем, если вовремя заметить недомогание и выпить настой коры горького иглолиста, то всё обойдется. Фиридиз скоро поправилась (изрядно похудев при этом), а как только смогла встать на ноги, понесла по всем дворам историю о своем чудесном спасении и о волшебном даре молодой Аю-шодэ...

Советоваться к ней ходили очень редко, и только если не видели другого выхода, и не из-за дороговизны — денег она за предсказания не брала, к тому же сама могла послать весточку кому-то, о ком ей было видение. Просто попробовали спрашивать о будущем по пустякам, но быстро прекратили, потому что нрав у Аю... не из легких.

— Подай напитки, — велел я Алише, быстро одеваясь, — и скажи, чтобы готовили обед.

— Всё уже готово, шодан, — ответила она. — Аю-шодэ еще вечером сказала, что будут гости.

Я только вздохнул: меня предупредить никому и в голову не пришло! Впрочем, может, и предупреждали, только я так устал, что не обратил на это внимания, упал и уснул...

Оталь, тучный мужчина далеко еще не преклонных лет, в самом деле стоял на коленях посреди нашего двора, смиренно склонив непокрытую голову. Рядом замерли его сыновья, а я вдруг заметил подушечку под коленями почтенного торговца, веер в его руке и развеселился: ждал он со всеми возможными удобствами. Не хватало только столика с прохладительными напитками и фруктами да невольника с опахалом и второго — с расписным солнечником из полупрозрачной ткани. Еще бы шуудэ[1] с собой привел, чтобы танцевали, разбрасывая цветочные лепестки, и услаждали взор хозяина, покуда тот дожидается беседы со мной, и парочку безголосых, но старательных юнцов с дудками и китарами... Впрочем, в этом случае он рисковал не дождаться меня до скончания века.

— Оталь-шодан, — почтительно произнес я, подойдя ближе, — что привело тебя на мой двор в такое время?

— Вейриш-шодан, — ответил он, едва ли не коснувшись ухоженной черной бородой земли, — я пришел просить о великой милости!

— Тогда встань и идем со мною в дом, и пусть твои сыновья идут с нами вместе, а слуги отдохнут под деревьями, в тени, — сказал я, и он поднялся, опираясь на руку старшего сына. Младший подал ему тарбан.

Солнце палило нещадно, как всегда в это время года, и я подумал: что же могло заставить почтенного человека явиться ко мне вот так? Приди он с обычной просьбой, я мог бы и не выйти к нему, но когда

---

[1] Наложница (*прим. авт.*).

человек преклоняет колени и обнажает голову, нельзя не выслушать его, не навлекши на себя позор.

— Вейриш-шодан, — выговорил он, когда мы уселись в благословенной прохладе и Алиша принесла угощение, — я знаю, ты отмечен богами, как и твоя досточтимая супруга... Потому прошу: помоги найти сына моей сестры!

— Постой, достопочтенный, я чего-то не понимаю, — нахмурился я. — Как я могу найти человека, если никогда не видел его и даже не знаю имени?

— Говорят, ты часто бываешь в горах, Вейриш-шодан, — сказал Оталь, вытирая мокрый лоб вышитым рукавом. — Быть может, с высоты ты разглядишь следы каравана, который должен был вернуться несколько дней назад и с которым ушел Ориш?

— Боюсь, те горы не настолько высоки, — сказал я приличия ради. Думаю, соседи прекрасно знали, кто я таков, но предпочитали держать это знание при себе до поры до времени. — Выходит, твой караван не вернулся в срок?

— Именно так, Вейриш-шодан. Я считал, сыновья считали... Песчаных бурь не было, гроз не случалось, разбойников возле Адмара давно нет, и караван давно должен был миновать оазис! И я точно знаю, что до того с караваном ничего не случилось, если не считать павшего ишака: на половине дороги сын моей сестры выпустил птицу, и та принесла письмо. — Оталь вынул из рукава крохотный футляр. — Вот оно. Всё шло как должно, но никто не вернулся! Совсем никто, Вейриш-шодан! А даже если бы пали все животные, люди смогли бы дойти, пускай и бросив груз...

— Странное дело. — Я взял футляр, открыл и вытряхнул на ладонь туго свернутую записку. — Самое обычное письмо, ни о каких тревогах и опасени-